А. И. Рарог*

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИИ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. *В статье поднимается проблема качества уголовно-правовых норм, предназначенных противодействовать террористической угрозе. В основе формирования уголовно-правового механизма противодействия террористической деятельности должны лежать научно выверенные определения терроризма и террористической деятельности. В статье предлагается рабочее (как материал для дальнейшей шлифовки) определение терроризма как социального явления. Подчеркивая генетическую связь экстремизма и терроризма, автор высказывает мысль о целесообразности создания в Уголовном кодексе РФ самостоятельной главы, объединяющей нормы об экстремистской и террористической деятельности. Многократные попытки законодателя улучшить качество уголовно-правовой нормы о террористическом акте, к сожалению, не имели полного успеха. Отмечая имеющиеся недостатки этой нормы, автор вносит предложения о дальнейшем улучшении ее качества: включить в число субъективных признаков террористического акта его совершение по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; исключить из числа квалифицирующих признаков неосторожное, а из числа особо квалифицирующих признаков — умышленное причинение смерти. С учетом недостаточной научной необоснованности противоречивости более поздних «антитеррористических» норм и непоследовательности вносимых в них изменений в статье обосновываются предложения об изменении их редакции, а также об исключении статьи 205.5 из УК РФ и о перенесении нормы, закрепленной в ст. 205.6 УК РФ, в главу о преступлениях против правосудия.*

Ключевые слова: *качество уголовного закона, террористическая деятельность, экстремистская деятельность, террористический акт, содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, организация террористического сообщества, несообщение о террористическом преступлении.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178

В утвержденном Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» документе говорится, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, и прежде всего государственную и общественную (п. 6). Стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населе-

© Рарог А. И., 2017

* *Рарог Алексей Иванович*, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
alek.rarog@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ния и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (п. 42). А к основным угрозам государственной и общественной безопасности наряду с разведывательной и иной деятельностью специальных служб и организаций иностранных государств Стратегия относит деятельность террористических и экстремистских организаций, направленную на насильственное изменение конституционного строя РФ, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения (п. 43)[1].

Различные проявления терроризма и экстремизма, подобные событиям 11 сентября 2001 г. в США, террористическим актам в жилом здании на ул. Гурьянова в г. Москве (1999), концертном помещении «Норд-Ост» в Москве (2002), в Беслане (2004), в московском метрополитене (2010), взрывам в московском аэропорту «Домодедово» (2011), на борту российского авиалайнера, выполнявшего рейс Шарм-эль-Шейх — Санкт-Петербург (2015) и т.д., показали, что терроризм и экстремизм стали неизбежным злом, присущим современному обществу и ставшим его глобальной проблемой. С учетом высокой степени общественной опасности уровень преступлений террористической и экстремистской направленности можно считать весьма высоким. О распространенности этих преступлений в России общее представление могут дать следующие данные:[2]

Направленность	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Террористическая	759	642	654	581	622	637	661	1127	1531
Экстремистская	115	460	548	597	622	696	896	1024	1308

Более подробный анализ показывает, что от 75 до 80 % от общего количества преступлений террористической направленности составляют деяния, предусмотренные ст. 208 УК РФ; 4—5 % приходятся на долю террористического акта и примерно по столько же — на долю захвата заложника и содействия террористической деятельности. Остальные преступления этой направленности носят единичный характер. Из приведенных данных можно сделать вывод, что удельный вес преступлений террористического характера в общей структуре преступности в России относительно невелико. Однако, как отмечается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года от 25 августа 2014 г. № 1618-р, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 28 ноября 2014 г. (Пр-2753), каждое из этих преступлений вызывает повышенный общественный резонанс и способно дестабилизировать социально-политическую обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом (п. 10)[3].

Для эффективного противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности необходимы (в сочетании с широкомасштабными политическими, социальными, культурными, организационными и иными мерами) качественные уголовно-правовые механизмы.

Российское уголовное законодательство рассматривает эти две группы преступлений как самостоятельные: экстремистские преступления отнесены к посягательствам на основы конституционного строя и безопасности государства, а преступления террористического характера — к посягательствам на общественную безопасность.

Уголовно-правовой механизм противодействия экстремистской деятельности образуют следующие статьи УК РФ:

1) 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 280.1 (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской

[1] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/.

[2] См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2007 г. ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2008 г. ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2009 г.; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2010 г. ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2011 г. ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2012 г.; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2013 г. ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2014 г. ; Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 г. М. : ГИАЦ МВД России, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016.

[3] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/.

Федерации), 282 (возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства), 282.1 (организация экстремистского сообщества), 282.2 (организация деятельности экстремистской организации) и 282.3 (финансирование экстремистской деятельности), в которых формулируются составы собственно экстремистских преступлений;

2) примечания к ст. 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ, формулирующие основания освобождения от уголовной ответственности участников экстремистской организации и представляющие действенный стимул к отказу от продолжения экстремистской деятельности;
3) п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ, в которых описаны преступления (преимущественно против личности), в состав которых включены экстремистские мотивы в качестве квалифицирующего признака;
4) п. «е» ч. 1 ст. 63, придающий экстремистским мотивам значение обстоятельства, отягчающего наказание при совершении любого преступления (разумеется, если эти мотивы в принципе возможны при совершении данного преступления).

Таким образом, уголовно-правовой механизм противодействия экстремистской деятельности включает нормы о преступлениях собственно экстремистского характера (включая стимулирующие нормы), а также нормы о самых различных преступлениях, совершаемых по экстремистским мотивам.

К уголовно-правовым средствам борьбы с терроризмом закон (примечание 1 к ст. 205.1 УК РФ, введенной Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 103-ФЗ) отнес нормы, закрепленные в ст. 205, 206, 208, 211, 277 и 360 УК РФ. Затем этот перечень был дополнен ст. 278 и 279 УК РФ (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 253-ФЗ), 220 и 221 УК РФ (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 197-ФЗ). Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ дополнил УК РФ ст. 205.1.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 и включил их в число «антитеррористических» норм. И, наконец, Федеральным законом от 6 июля 2016 г. Уголовный кодекс был дополнен ст. 361 (акт международного терроризма), которая тоже была включена в систему «антитеррористических» норм.

Поощрительные нормы, имеющие большое значение для предупреждения терроризма, закреплены в примечании к статье 205, примечании 2 к статье 205.1, примечании к статье 205.3, примечании 1 к ст. 205.4 и примечании к статье 205.5 УК РФ. Они предусматривают условия освобождения от уголовной ответственности лиц, участвовавших в подготовке или совершении преступлений, описанных в названных статьях УК.

Для совершенствования национального уголовного законодательства, направленного на борьбу с экстремизмом и таким его наиболее опасным проявлением, как терроризм, огромное значение могла бы иметь международно-правовая дефиниция этих понятий как уголовно-правовых.

Международно-правовая нормативная основа борьбы с терроризмом как наиболее опасной разновидностью экстремизма формировалась на всем протяжении прошлого века и продолжает формироваться в настоящее время[4]. Выработаны общепризнанные принципы международной системы противодействия терроризму:

— осуждение актов терроризма, методов и практики терроризма (преамбула к Декларации ООН «О мерах по ликвидации международного терроризма»);
— выдача лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности (преамбула к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма);
— правовое сотрудничество между государствами в сфере борьбы с терроризмом (ст. 8 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма);
— обеспечение задержания и судебного преследования лиц, причастных к террористической деятельности (пункт 5 Декларации ООН «О ликвидации международного терроризма»).

Однако процесс создания правовой основы для такой работы шел достаточно противоречиво и не всегда последовательно. Из-за отсутствия планомерности в разработке понятийной основы, ситуативности реагирова-

[4] Об этом см.: *Кочои С. М.* Терроризм в международном уголовном праве // Lex Russica. 2005. № 2. С. 296—309.

ния на различные террористические угрозы, сложности согласования позиций разных стран и поиска компромиссных решений в указанных документах, как правило, отсутствовали четкие и выверенные формулировки. Вместо них в конвенциях использовался метод перечисления конкретных деяний, в которых может выразиться терроризм. Поэтому работа в данном направлении необходима для разработки универсального международно-правового документа, который дал бы юридическое определение терроризма.

Международно-правовые акты о борьбе с терроризмом не имеют прямого действия, а международно-правовой механизм противодействия терроризму для своей реализации требует согласованности с национальными уголовно-правовыми механизмами, которые предусматривают конкретные формы реализации ответственности за террористические преступления. Вместе с тем не следует преуменьшать важность международно-правовых актов. Они служат ориентиром для государств в определении внутригосударственных средств и методов противодействия терроризму. А в глобальном масштабе задача конвенций и прочих международных документов о противодействии терроризму заключается в интеграции усилий стран в выработке международно-правовых механизмов относительно террористических явлений, имеющих межгосударственное значение и требующих такой интеграции. Именно благодаря этому рассматриваемые акты составляют международно-правовые основы противодействия терроризму, на которых строятся национальные и в ряде случаев — региональные правовые механизмы борьбы с этим явлением.

Содержание терроризма в качестве обязательного признака предполагает насилие в идеологическом и практическом аспектах. Это довольно адекватно отражено в п. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»[5].

Еще одним отличительным признаком терроризма является его повышенная общественная опасность, обусловленная масштабным характером его проявлений. Терроризм всегда порождает угрозу общественной безопасности, возникающую в результате совершения общеопасных действий либо подготовки таковых. Опасность при этом должна быть реальной и угрожать неопределенному кругу лиц. Таким образом, террористы преднамеренно создают обстановку страха, подавленности, напряженности.

Терроризм обладает публичным характером. Как отмечает В. П. Емельянов, «другие преступления обычно совершаются без претензий на огласку, а при информировании лишь тех лиц, в действиях которых имеется заинтересованность у виновных. Терроризм же без широкой огласки, без открытого предъявления требований не существует. Терроризм сегодня — это форма насилия, рассчитанная на массовое восприятие»[6]. Важной особенностью терроризма является то, что при всех его проявлениях общеопасное насилие применяется в отношении одних лиц или их имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц, т.е. насилие применяется к потерпевшим, а вынужденное волевое решение вследствие созданной обстановки страха и выраженных на этом фоне стремлений террористов принимается органами власти, международными или иными организациями и лицами.

В качестве рабочего материала, отражающего наиболее существенные признаки терроризма, может быть предложено следующее его определение.

Терроризм — это обусловленное определенными идеологическими, политическими, экономическими предпосылками комплексное криминальное явление, имеющее сложную (многоуровневую и многоэлементную) структуру, выражающееся в угрозе, подготовке и (или) совершении единичных или серии последовательных террористических актов, а также иных деяний террористического харак-

---

[5] СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146 ; 2006. № 31. Ст. 3452.

[6] *Емельянов В. П.* Терроризм — как явление и как состав преступления. Харьков, 1999. С. 26. См. также: *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 36.

тера, рассчитанных на публичное восприятие и устрашение населения или социальных групп в целях принуждения к принятию государственными органами, международными или общественными институтами либо должностными лицами какого-либо решения или отказу от него в интересах террористов[7].

Большое значение в уголовно-правовом механизме противодействия терроризму имеют нормы Федерального закона № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму»[8], регламентирующие порядок осуществления мер по пресечению террористических актов, в том числе с применением Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 6—8), а также объявляющие правомерным причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством РФ (ст. 22).

Анализ международно-правовых документов и нормативных правовых актов России позволяет прийти к выводу, что экстремизм и терроризм — это явления не только взаимосвязанные, но и взаимопроникающие. Терроризм обладает всеми признаками экстремизма плюс имеет специфические признаки, присущие именно данному проявлению экстремизма, поэтому вполне правомерно ставить вопрос о преступлениях, которые обладают одновременно признаками и экстремизма, и терроризма.

Например, в Преамбуле Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, принятой 9 декабря 1994 г. Резолюцией 49/60 на 84-м Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН[9], выражается глубокая озабоченность тем, что во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежат нетерпимость или экстремизм.

Решением от 21 июня 2000 г. «О Программе государств — участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года», принятом Советом глав государств стран Содружества Независимых Государств, на международном уровне было признано, что терроризм является одним из проявлений экстремизма. В соответствии с этим решением Правительство РФ распоряжением от 21 ноября 2000 г. № 1643-р утвердило План мероприятий по реализации Программы государств — участников СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года[10]. Неразрывная связь терроризма и экстремизма констатируется в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, в Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (п. 40)[11] и в других документах, в которых международный и национальный терроризм, политический и религиозный экстремизм вместе с национальным и этническим сепаратизмом объявлены глобальным вызовом и кризисом современности.

Неразрывная связь терроризма и экстремизма подчеркивается и в ряде научных исследований[12].

Однако российское уголовное законодательство не знает таких составов преступлений, которые отражали бы реально существующий

---

7 См.: *Ивлиев С. М.* Уголовно-правовые средства противодействия терроризму : дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 30.

8 Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146 ; 2006. № 31. Ст. 3452.

9 См.: Действующее международное право. Т. 3. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 90—94.

10 См.: Российская газета. 2000. 19 мая.

11 СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

12 См., например: *Кочои С. М.* Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2005 ; *Трофимов Д. С.* Современное состояние борьбы с преступлениями террористического характера: аналитический обзор. М., 2013. С. Ю. Алиева на основании своих исследований пришла к выводу о необходимости дополнить УК РФ единой нормой о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской и террористической направленности (см.: *Алиева С. Ю.* Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2014. С. 11, 27).

факт совершения преступлений террористического характера с признаками экстремизма. Следовательно, террористические акты, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а тем более в составе экстремистского сообщества, необходимо квалифицировать по совокупности преступлений: и как террористический акт, и как преступление экстремистского характера. Предусматривая самостоятельные комплексы норм, направленных на борьбу с терроризмом и экстремизмом, российское законодательство не отражает генетической связи экстремизма и терроризма. К сожалению, вслед за законодателем некоторые ученые разделяют эти группы преступлений и даже высказывают пожелания четко размежевать терроризм и экстремизм[13]. Однако подобные предложения вряд ли перспективны.

Экстремизм означает приверженность к крайним формам разрешения социальных конфликтов, поэтому он допускает и обосновывает необходимость применения насильственных методов, в числе которых и различные проявления терроризма. В связи с этим в теории уголовного права преобладает мнение, что терроризм является крайней и наиболее опасной формой экстремизма, что эти понятия соотносятся как видовое и родовое[14], а некоторые ученые даже выделяют терроризм экстремистов[15]. Именно так понимается соотношение между экстремизмом и терроризмом в международном праве, в котором о терроризме говорится как об одном из проявлений экстремизма.

Нормы о преступлениях террористической и экстремистской направленности разведены по различным главам УК РФ из тех соображений, что они посягают на разные объекты. Однако это соображение определяется вовсе не сущностью этих двух групп преступлений, а исключительно субъективной волей законодателя. Нормы, предусмотренные ст. 280 и 282 УК РФ редакции 1996 г., были помещены в гл. 29 УК РФ не потому, что предусмотренные ими преступления способны поколебать политические основы нашего государства, а потому, что с достаточно убедительным обоснованием они не вписывались в рамки других глав Особенной части. Если бы эти нормы оказались, например, в гл. 19 УК РФ, то во всех комментариях к ней утверждалось бы (и не без оснований), что их объектом являются конституционные права человека и гражданина, в частности — право на равенство и одинаковую правовую защиту их интересов.

Неубедительность легальной классификации преступлений по признаку объекта уже отмечалась российскими учеными. Так,

---

13 См., например: *Хлебушкин А. Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 7—8 ; *Арутюнян Р. Ф.* Противодействие организованному терроризму в кавказском регионе СНГ. М., 2008. С. 17 ; *Сысоев А. М.* Об уточнении категорий преступлений экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 128 ; *Он же*. Современная система противодействия криминальному экстремизму: проблемы реализации и направления развития // Вестник Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 5 (13). С. 53 ; *Розенко С. В.* Уголовно-правовая борьба с экстремизмом // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2009. С. 421.

14 См., например: *Устинов В.* Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 34 ; *Фридинский С. Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 2004. С. 19 ; *Кочои С. М.* Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика ; *Долгова А. И*. Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 22 ; *Хлебушкин А. Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. Саратов, 2007. С. 23, 45 ; *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 9 ; *Егорова Н. А.* Противодействие терроризму: новеллы уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 127—133 ; *Антонова Е. Ю*. Преступления террористического характера и экстремистской направленности: вопросы криминализации и пенализации // URL: http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/20681 (дата обращения: 14.10.2016).

15 См.: *Васильченко А. А., Швыркин А. А.* Разграничение преступлений террористической и экстремистской направленности // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 35.

В. В. Векленко отмечает, что фактически объект преступления сегодня не является основой для построения Особенной части УК РФ, поскольку отсутствует строгий порядок в классификации и имеют место несоответствия наименований глав УК РФ их содержанию[16]. О квазиценности современного учения об объекте преступления в одноименной статье пишет и С. А. Бочкарев[17].

Неспособность объекта служить достаточным критерием законодательной классификации преступлений становится особенно наглядной применительно к отдельным группам преступлений. Так, А. П. Кузнецов, Н. Н. Маршакова и И. С. Паршин пишут: «Построение структуры Особенной части УК РФ по разделам и главам, исходя из основных родового и видового объектов преступления, не позволяет соединить в одном месте этого нормативного правового акта даже коррупционные преступления или преступления коррупционного характера и тем более связанные с ними деяния, способствующие им или создающие условия для их совершения»[18]. Ученые, исследовавшие проблемы экономических преступлений, отмечали, что объект преступления не в состоянии обосновать помещение в гл. 22 УК РФ, например, статей 169.19, 170.19, 184.19.

Ярким показателем того, что критерием законодательной классификации преступлений террористической направленности не может выступать их объект, служит неоднородность этого признака в перечнях «террористических» преступлений, приводимых в ч. 1 ст. 205.1 и в примечании 1 к этой статье, в примечании 2 к ст. 205.2, в статье 205.3, в ч. 1 ст. 205.4 и в ст. 205.6 УК РФ. Кроме того, идею объединения «террористических» преступлений по признаку их объекта подрывает несовпадение законодательных перечней таких преступлений: в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ почему-то не упоминается ст. 361 УК РФ, а в ч. 1 ст. 205.3 не названы ст. 220 и 221 УК РФ. Видимо, наиболее полным следует считать перечень преступлений террористической направленности, приведенный в ст. 205.6 УК РФ, но различия между ними объяснить довольно трудно.

Законодательный опыт других стран также не подтверждает определяющей роли объекта преступления как основания законодательной классификации уголовно наказуемых деяний. Пожалуй, только УК Республики Польша сумел назвать все главы Особенной части по содержанию объекта, да и то весьма условно, поскольку, например, имущество (гл. XXXV) или хозяйственный оборот (гл. XXXVI) вряд ли можно рассматривать как объект преступления. Некоторые уголовные кодексы вообще отказались от деления Особенной части на главы (например, УК Турции), другие классифицируют преступления не по объекту, а по тяжести (УК Исламской Республики Иран). Но в подавляющем большинстве уголовных кодексов при делении Особенной части на главы используется смешанный способ: название некоторых глав указывает на объект преступлений (например, против жизни и здоровья, против собственности), а в других главах определяется сфера совершения преступлений (например, самовольная защита частных прав — гл. III разд. третьего УК Италии) либо содержание объективной стороны (например, преступления, связанные с контрабандой, продажей, транспортировкой и изготовлением наркотиков — УК КНР; подделка денег, служебных знаков оплаты, служебных знаков, мер и весов, подделка документов — УК Швеции). Именно такой способ построения Особенной части представляется наиболее приемлемым для нашей страны. Экстремистская мотивация, неперсонифицированность деяний, их масштабность, повышенная социальная опасность и резонансный характер диктуют целесообразность создания в УК РФ самостоятельной главы под названием «Преступления экстремистского и террористического характера» (можно и поменять их местами). Предлагаемое решение выглядит весьма экзотическим, однако с практической точки зрения оно представляется оптимальным.

Независимо от перспектив объединения преступлений экстремистского и террористического характера в рамках одной главы Особенной части УК РФ необходимо обеспечить

---

16 *Векленко В. В.* Значение объекта преступления // Учение об объекте преступления: тенденции и перспективы развития : сб. науч. трудов. Омск, 2005. С. 4.

17 *Бочкарёв С. А.* Квазиценность современного учения об объекте преступления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 125.

18 *Кузнецов А. П., Маршакова Н. Н., Паршин И. С.* Правовая регламентация противодействия коррупции: национальный, международный и зарубежный аспекты. Н. Новгород, 2012. С. 71.

качественное регламентирование уголовной ответственности за оба вида преступлений. Прежде всего это касается преступлений террористической направленности.

В уголовном законодательстве России «антитеррористические» нормы впервые появились 1 июля 1994 г., когда УК РСФСР был дополнен ст. 213.3 («Терроризм») и 213.4 («Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»)[19]. В Уголовном кодексе РФ эти нормы были воспроизведены с минимальными изменениями. Однако с тех пор ст. 205 УК РФ, занимающая центральное место в системе «антитеррористических» норм, так часто подвергалась изменениям, что от ее первоначального теста уже мало что осталось.

В первоначальной редакции ст. 205 УК РФ называлась «Терроризм», что само по себе означало смешение социального явления, имеющего различные формы преступных проявлений, с составом конкретного преступления. Это смешение было устранено Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ, который дал новое название ст. 205 УК — «Террористический акт».

Объективная сторона рассматриваемого преступления в первоначальной редакции ст. 205 УК РФ определялась как совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, либо иных общественно опасных последствий. И ученые, и практические работники сразу обратили внимание на некорректность определения последствий как иных общественно опасных, поскольку, во-первых, любые последствия преступления являются общественно опасными, а, во-вторых, иные последствия акта терроризма должны быть сопоставимы с гибелью людей или колоссальным имущественным ущербом, т.е. тяжкими. Эта неопределенность в характеристике возможных последствий террористического акта была устранена также упомянутым Законом от 27 июля 2006 г., который возможные последствия данного преступления назвал не просто общественно опасными, а тяжкими. С сожалением нужно отметить, что соответствующее изменение не было внесено в ст. 207 УК РФ.

Включение в диспозицию ч. 1 ст. 205 УК РФ возможных последствий в виде значительного имущественного ущерба вряд ли можно признать оправданным[20]. Во-первых, термин «значительный имущественный ущерб» не представляет чрезвычайной общественной опасности. Во-вторых, имущественный ущерб, если он достаточно серьезный, полностью охватывается понятием иных тяжких последствий. Видимо, признак причинения значительного имущественного ущерба российский законодатель заимствовал из международного права. Но сделано это некритично и без учета особенностей российского уголовного права, в котором понятие значительного имущественного ущерба было создано для дифференциации наказания за хищения чужого имущества и используется наряду с такими неизвестными международному уголовному праву понятиями, как крупный и особо крупный ущерб.

Использование количественно не определенного признака «значительный имущественный ущерб» в качестве возможного последствия террористического акта, а тем более — квалифицирующего (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ) признака этого преступления теоретически не оправдано, а практически — весьма затруднительно. Поэтому указание на возможность причинения значительного имущественного ущерба следует исключить из ч. 1 ст. 205, а указание на причинение такого ущерба — из п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ.

Определенный интерес представляет такой признак объективной стороны анализируемого преступления, как угроза совершения теракта. Подразумевается информационная форма терроризма, при которой речь идет не о реальной опасности причинения тяжких последствий, а об объективизации намерения совершить действия, которые могут повлечь такие последствия. В международно-правовых актах иногда используется технический прием, когда преступными объявляются не только реально совершенные противоправные действия, но и угроза их совершения. Однако признание преступными не только реальных деяний, но и угрозы их совершения вовсе не означает равной степени их общественной опасности и целесообразности установления одинакового

[19] СЗ РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

[20] См.: *Комарова М. А.* Терроризм в уголовном праве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10, 22—23 ; *Ивлиев С. М.* Уголовно-правовые средства противодействия терроризму. С. 23.

наказания. Думается, что угроза совершением террористического акта не может быть идентифицирована как сам теракт, она — менее общественно опасное деяние. Поэтому указание на угрозу совершения террористического акта следует исключить из объективной стороны террористического акта, а ответственность за нее установить в самостоятельной статье УК РФ[21].

Субъективная сторона террористического акта первоначально включала в качестве обязательного признака цели нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти. В научно-практических комментариях к ст. 205 УК РФ справедливо отмечалось, что нарушение общественной безопасности, как и устрашение населения, составляют не субъективную, а объективную характеристику террористического акта. С учетом подобных критических замечаний законодатель Законом от 27 июля 2006 г. включил указанные выше признаки в характеристику объективной стороны преступления, определив ее как «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность наступления перечисленных в диспозиции последствий». Одновременно была уточнена и цель преступления: она теперь формулировалась как цель оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Но и в такой формулировке она подвергалась аргументированной критике как слишком узкая. Поэтому следует положительно воспринимать уточнение целей террористического акта Законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ, который формулирует их как цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Давая этому законодательному решению позитивную оценку, следовало бы тем не менее отметить, что узость законодательного определения целей преодолена не до конца, поскольку террористы зачастую преследуют цель дестабилизировать не только деятельность публичной власти, а вообще социальную обстановку в определенной местности.

Отдельного внимания заслуживает оценка экстремистских мотивов при совершении террористического акта. По целому ряду уголовных дел суды констатируют в приговоре наличие экстремистских мотивов как идеологическую основу террористической деятельности организаций, но не дают этому надлежащей уголовно-правовой оценки.

Например, в описательной части приговора по делу К. и Д. суд констатировал, что К. с 1996 г. был членом исламской международной организации «Хизб ут Тахрир Аль Ислами» («Исламская партия освобождения»), «имеющей своей целью устранение неисламских правительств и установление правления во всемирном масштабе путем создания «Всемирного исламского халифата». С помощью Д. и других завербованных ими лиц с 2000 г. по апрель 2003 г. подсудимый изготавливал и распространял запрещенную агитационную литературу, «содержащую в себе идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и призывающую к изменению существующего в России государственного строя и построению теократического исламского государств в форме "Халифата" путем тотальной исламизации населения, не исключая насильственных способов изменения конституционного строя, использования террора как формы политической борьбы»[22]. Признав подсудимых виновными по статьям 205.1 и 210 УК РФ, суд почему-то не дал надлежащей правовой оценки фактам создания экстремистского сообщества (К.) и участия в нем (Д.).

Экстремистские мотивы при совершении террористического акта не получили уголовно-правовой оценки и в приговоре Московского городского суда от 2 февраля 2007 г. по делу Х., П. и Ш. Они были осуждены за бандитизм, убийства, террористические акты и другие

[21] Вряд ли удачным решением могло стать снижение нижнего предела наказания в ч. 1 ст. 205 УК РФ до трех лет лишения свободы, чтобы у суда появилась возможность назначать не очень строгое наказание за угрозу совершением теракта без применения ст. 64 УК РФ, к которой суды вынужденно прибегают при назначении наказания за угрозу совершения теракта (см.: *Комарова М. А.* Указ соч. С. 20). При таком решении те же три года лишения свободы за реальный теракт могли бы стать нормой.

[22] Архив Московского городского суда за 2005 г. Дело № 2-174/04. См. также: Кассационное определение от 20 февраля 2007 г. № 4-о07-15 (Архив Московского городского суда за 2007 г.) ; Кассационное определение от 21 июля 2006 г. Дело № 89-о06-23 (Архив Тюменского областного суда за 2006 г.) ; Кассационное определение от 28 мая 2003 г. № 19/1кп003-24сп (Архив Ставропольского краевого суда за 2003 г.).

преступления, совершенные при следующих обстоятельствах. Используя в качестве идеологической основы экстремистское исламское течение «ваххабизм», лидеры незаконных вооруженных формирований и террористических организаций Чечни и Дагестана создали единый руководящий и координирующий орган преступного сообщества — «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», имеющий целью образование на территории Северо-Кавказского региона исламского государства с шариатской формой правления. Вступив в данное преступное сообщество, подсудимые в рамках его программы организовали взрывы в вагоне поезда московского метрополитена в районе станции «Кантемировская» (погиб 41 человек, пострадали свыше 240 человек), возле вестибюля станции метро «Рижская» (погибли 8 и пострадали свыше 60 человек), а также совершили другие преступления. Несмотря на явно экстремистскую программу преступной организации, подсудимым почему-то не была вменена ст. 282.1 УК РФ[23], а экстремистские мотивы не получили уголовно-правовой оценки.

В российской практике нередки случаи, когда экстремистами совершаются взрывы, причиняющие человеческие жертвы и огромный экономический и моральный вред, но не выдвигаются какие-либо требования к органам власти или международным организациям. Примерами могут служить взрывы с использованием начиненных взрывчаткой автомашин на территории органов МВД в Дагестане и Ингушетии, на рынке в Северной Осетии, взрывы на путях Октябрьской железной дороги, на пляже в г. Сочи, на газопроводе вблизи г. Моздок, в московском аэропорту «Домодедово» и т.д. За эти взрывы никто не взял на себя ответственность и не предъявлял никаких требований в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, тем не менее правоохранительными органами уголовные дела возбуждались именно по признакам террористического акта.

Такая квалификация полностью соответствует уголовно-политической сущности этих преступлений, но не согласуется с законодательной характеристикой террористического акта, обязательным субъективным признаком которого является цель воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Квалификация террористических актов, совершенных хотя и без цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, но по экстремистским мотивам, была бы вполне обоснованной, если бы законодатель включил названные мотивы как альтернативу указанной в законе цели.

Следовательно, отсутствие в ст. 205 УК РФ указания на экстремистский мотив следует рассматривать как пробел в законе, не позволяющий дать надлежащую уголовно-правовую оценку террористическому акту, который совершается по экстремистским мотивам и не сопровождается целями воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Чтобы восполнить указанный пробел, представляется необходимым придать террористическому акту качество альтернативно-экстремистского преступления. Для этого следует ч. 1 ст. 205 УК РФ после слов «международными организациями» дополнить словами «либо совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

В качестве квалифицирующего признака первоначальная редакция ст. 205 УК РФ предусматривала совершение преступления с использованием огнестрельного оружия. Это законодательное решение было негативно воспринято теорией уголовного права и правоприменительной практикой, поскольку для проявлений терроризма характерно использование взрывчатых веществ, взрывных устройств и других подобных средств, ничуть не менее опасных, чем огнестрельное оружие, но не имеющих квалифицирующего значения. С учетом приведенных и других аргументов Законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ использование огнестрельного оружия было исключено из числа квалифицирующих признаков террористического акта.

Вызывает также сомнение обоснованность включения в число квалифицирующих признаков неосторожного причинения смерти человек (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ). Во-первых, весьма

[23] См.: Архив Московского городского суда за 2007 г. Дело № 2/07. См. также: Приговор Московского городского суда с участием присяжных заседателей от 15 декабря 2008 г. Дело № 2-70-31/08.

странной представляется позиция законодателя, воспринимающего указанное последствие как нетипичное, а поэтому выходящее за рамки основного состава террористического акта. Во-вторых, с трудом представляется ситуация, в которой лицо, цинично-намеренно совершая такое прямо-умышленное преступление, как террористический акт, к последствиям в виде гибели людей относился бы неосторожно[24]. В-третьих, не поддается логическому объяснению то обстоятельство, что с неосторожным причинением последствий (пусть даже особо тяжких) законодатель связывает резкое усиление наказания (по первоначальной версии — ч. 3 ст. 205 УК РФ — до пожизненного лишения свободы). Правда, в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ рассматриваемый признак из особо квалифицирующего стал просто квалифицирующим, и теперь преступление с такими последствиями наказывается лишением свободы не пожизненно, а на срок от 10 до 20 лет. Однако и в такой трактовке включение в число квалифицирующих признаков причинения смерти по неосторожности сомнений вовсе не рассеяло.

Явно ошибочным выглядит и реализованное Законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ решение придать умышленному причинению смерти человеку статус особо квалифицирующего признака захвата заложника (ч. 4 ст. 206), террористического акта (п. «б» ч. 3 ст. 205) и диверсии (ч. 3 ст. 281 УК РФ).

Во-первых, оно не соответствует конституционной оценке жизни человека, которая является высшей ценностью (ст. 2, ч. 1 ст. 20 Конституции РФ) и не может лишь попутно охраняться нормами, устанавливающими ответственность за менее опасные преступления, чем убийство.

Во-вторых, оно влечет за собой сомнительную правоприменительную практику. В постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» Пленум Верховного Суда РФ разъяснил судам, что «в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум или и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» части 3 статьи 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует». При такой постановке вопроса без уголовно-правовой оценки остаются многие квалифицирующие признаки, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ[25].

В-третьих, квалификация убийства (в том числе многих лиц) при террористическом акте только по ст. 205 УК РФ исключает применение смертной казни, предусмотренной (хотя в современных условиях и формально) ч. 2 ст. 105 УК РФ[26]. Да и лишение свободы может быть назначено только в пределах санкции ч. 3 ст. 205 УК РФ, т.е. до 20 лет, тогда как по совокупности ч. 2 ст. 105 и, например, ч. 2 ст. 205 УК РФ оно может составить до 30 лет.

Значит, включением убийства в число особо квалифицирующих признаков террористического акта уголовно-правовая охрана жизни была не усилена, а ослаблена. Для устранения этой несправедливости было бы весьма разумно исключить п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, а убийство при теракте квалифицировать по совокупности этой нормы с п. «е» (а при наличии соответствующих признаков — и с другими пунктами) ч. 2 ст. 105 УК РФ. Кстати, это исключило бы для законодателя потенциальную возможность злоупотреблять приемом включения убийства в число квалифицирующих признаков других составов преступлений (к примеру, ст. 126, 131, 132, 209, 211, 286 и т.д.) и тем самым снизить уровень уголовно-правовой защиты жизни.

Среди уголовно-правовых средств противодействия терроризму следует особо выделить ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» как наименее удачную и наиболее многострадальную норму, введенную Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 103-ФЗ.

---

[24] См.: *Кадников Н. Г.* К вопросу о квалификации некоторых преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2002. № 3. С. 182—187.

[25] *Кадников Н. Г., Дайшутов М. М.* О проблемах ответственности за преступления террористической направленности // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 105.

[26] На это ученые уже обращали внимание (см., например: Уголовное право России. Особенная часть / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2010. С. 440 (автор — А. В. Бриллиантов) ; Российское уголовное право. Общая и Особенная части : в 3 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2014. Т. 3. С. 18 (автор — М. М. Лапунин) ; Уголовное право России. Особенная часть / под ред. О. С. Капинус. М., 2015. Т. 2. С. 17 (авторы — П. В. Агапов, В. В. Меркурьев)).

В первоначальном виде она называлась «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное оказание содействия их совершению». Казалось бы, речь идет о специальном виде подстрекательства. Однако наряду с подстрекательскими действиями (вовлечение в совершение преступлений террористического характера, склонение к участию в деятельности террористической организации) закон предусматривал и действия пособников (вооружение либо обучение лица в целях совершения упомянутых преступлений, финансирование терроризма либо террористической деятельности). По-видимому, считая содействие родовым понятием по отношению к подстрекательству и пособничеству, законодатель изменил название статьи, озаглавив ее «Содействие террористической деятельности» (Закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ).

Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ ст. 205.1 УК РФ была дополнена ч. 3 «Пособничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 настоящего Кодекса». Это еще больше ухудшило качество рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Но законодатель на этом не остановился и Законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ распространил действие ч. 3 ст. 205.1 УК РФ на пособничество совершению преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК РФ, тем самым исключив возможность пособничества в совершении и этих преступлений в рамках института соучастия.

В юридической литературе появление ст. 205.1 УК РФ было встречено с явным неодобрением. Так, по мнению С. М. Кочои, «сам принцип дополнения УК статьями, подобными ст. 205.1, порочен. Сегодня самостоятельной нормой Особенной части УК является содействие совершению терроризма, завтра таковым признают вовлечение в государственную измену, послезавтра — организацию убийства и т.д.»[27].

Отмечалось также, что установление уголовной ответственности за пособничество в совершении террористического акта само по себе нисколько не расширило сферу уголовной ответственности, поскольку и до этого она обеспечивалась институтом соучастия, поэтому ч. 3 ст. 205.1 УК РФ «не имеет под собой криминологической основы, поскольку противодействие соответствующему деянию было не менее и, пожалуй, более эффективным и без соответствующего дополнения Особенной части УК РФ за счет применения института соучастия в преступлении»[28]. В этой связи предлагалось полностью отказаться от ч. 3 ст. 205.1 УК РФ и, кроме того, из данной статьи исключить все положения, дублирующие содержание ч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ[29].

Помимо социальной необоснованности статьи 205.1 УК РФ много вопросов вызывают содержательные и технико-юридические недостатки закрепленной в этой статье нормы.

Во-первых, более чем сомнительна социальная и юридическая обусловленность придания действиям пособника (как одного из соучастников) значения самостоятельного состава преступления, тем более что пособничество в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ определяется точно так же, как и в ч. 5 ст. 33 УК РФ. С включением ч. 3 в ст. 205.1 УК РФ соучастие в террористическом акте и других преступлениях террористического характера, перечисленных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, стало невозможным в форме пособничества, что вносит сумбур в институт соучастия.

Во-вторых, с включением ч. 3 в ст. 205.1 УК РФ соучастие в террористическом акте в форме пособничества (ч. 5 ст. 33 и ст. 205 УК РФ)

---

27 *Кочои С. М.* Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2005. С. 79. См. также: *Феоктистов М. В.* Ответственность за терроризм и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А. И. Долговой. М., 2004. С. 149.

28 *Борисов С. В.* К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права : Материалы X Российского конгресса уголовного права. М., 2016. С. 288. См. также: *Кадников Н. Г., Дайшутов М. М.* Указ. соч. С. 106 ; *Некрасова А. А.* Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 69—71.

29 См.: *Серебряков А. В.* Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 10.

стало невозможным, что вносит сумбур в институт соучастия. Новая норма порождает неизбежную конкуренцию с ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, в которой предусмотрены такие разновидности пособничества совершению преступлений террористического характера, как вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из перечисленных в ней преступлений террористического характера (в том числе и террористического акта) либо финансирование терроризма[30].

В-третьих, совершенно непонятно, в чем состоит повышенная опасность данного преступления по сравнению с формами пособничества, указанными в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, влекущими по закону наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет.

В-четвертых, невозможно объяснить, по каким соображениям законодатель установил более строгое наказание для пособника (от 8 до 20 лет лишения свободы), если исполнитель того же преступления (террористического акта) подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет. Такое решение противоречит основам теории соучастия.

Отечественный законодательный опыт не знает примеров установления более строгого наказания за пособничество совершению преступления, чем за его организацию, руководство им или непосредственное участие в нем. Со времени Средневековья второстепенная роль пособников учитывалась как основание для смягчения наказания или даже освобождения от него (ст. 198 Соборного уложения 1649 г.; Артикул 149 Петровского Устава воинского; ст. 127 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; ст. 53 Уголовного уложения 1903 г.)[31].

Нужно признать, что в отечественном законотворческом багаже имеется опыт выделения пособничества отдельным видам преступлений в самостоятельные нормы Особенной части Уголовного кодекса.

Так, ст. 61 УК РСФСР 1922 г. приравнивала содействие организации, преследующей цели, указанные в ст. 57 УК, к участию в контрреволюционной организации и устанавливала для него такое же наказание. В соответствии со ст. 68 того же Кодекса пособничество контрреволюционным преступлениям (как и их укрывательство), не связанное с непосредственным их совершением, рассматривалось как самостоятельное преступление и наказывалось лишением свободы не ниже одного года. Согласно ч. 2 ст. 76 УК пособничество бандам и их укрывательство каралось наравне с организацией банд и участием в них, но закон предусматривал возможность понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже двух лет.

Также УК РСФСР 1926 г. знал примеры выделения пособничества в самостоятельные составы преступлений. Так, ст. 58.12 за пособничество контрреволюционным преступлениям (как и за их укрывательство) устанавливала наказание не ниже одного года лишения свободы. В ст. 59.2 предусматривалось дифференцированное наказание для:

а) организаторов, руководителей и подстрекателей массовых беспорядков;
б) прочих их вооруженных участников;
в) невооруженных участников;
г) лиц, не принимавших непосредственного участия в массовых беспорядках, но содействовавших их участникам.

В соответствии с ч. 2 ст. 59.4 пособничество бандам и их укрывательство наказывались так же, как организация банд и участие в них, но с возможностью понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже двух лет.

Таким образом, отечественное уголовное законодательство всегда рассматривало пособника как наименее опасную фигуру из всех соучастников. Этой же позиции придерживалась и уголовно-правовая доктрина.

Так, известный ученый XIX в. А. Ф. Бернер писал: «Главный (физический или непосредственный) виновник совершает преступление. Пособник не совершает его даже и отчасти, но только облегчает совершение физическому виновнику или советом (интеллектуальный пособник) или делом (физический пособник)»[32]. Подобное мнение высказывалось и советскими

---

30 См.: *Ершов С. А.* Проблемы регламентации пособничества в УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2012. С. 236.

31 См. об этом: *Москвичев А. А.* Историко-правовой анализ формирования и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за пособничество // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 63—68.

32 *Бернер А. Ф.* Учебник уголовного права. Т. 1. Часть Общая. СПб., 1865. С. 511.

криминалистами. Например, М. Д. Шаргородский исходил из того, что действия исполнителя и подстрекателя практически всегда представляют более высокую общественную опасность, чем действия пособника[33]. По мнению Ф. Г. Бурчака, «по своей объективной роли в преступлении, совершаемом сообща двумя или большим количеством лиц, пособник, за редким исключением, всегда менее опасная фигура, чем другие соучастники. В самом деле, инициатива совершения преступления принадлежит не ему, он не руководит преступной деятельностью других лиц, не выполняет объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьями Особенной части. Пособник лишь содействует исполнителю преступления в осуществлении его преступного намерения, не выполняя при этом действий, входящих в объективную сторону состава преступления исполнителя»[34]. П. Ф. Тельнов также считал, что «по общему правилу пособнику принадлежит второстепенная роль в совместном преступлении. Действия его носят вспомогательный характер, менее активны, нежели деяния других соучастников, и воплощают замысел другого лица»[35]. Краткий обзор литературы по проблемам соучастия в уголовном праве позволяет признать вполне обоснованным утверждение, что «для отечественной уголовно-правовой доктрины традиционной является позиция о меньшей ответственности пособников по сравнению с остальными соучастниками»[36].

Идея о второстепенной роли пособника и уменьшенной наказуемости его действий нашла отражение в уголовном законодательстве ряда стран. Так, на основании ч. 1 ст. 27 Уголовного кодекса КНР пособникам, роли которых законодатель оценивает как второстепенные и вспомогательные, назначается наказание ниже низшего предела либо они освобождаются от наказания. Статья 86 Уголовного кодекса Таиланда предусматривает обязательное снижение наказания пособнику максимум до двух третей наказания, предусмотренного за данное преступление. Обязательное смягчение наказания пособнику предусмотрено также ч. 2 ст. 32 УК Республики Корея и ст. 63 УК Японии.

В соответствии с абз. 2 § 27 Уголовного уложения ФРГ наказание пособнику, в принципе назначаемое в пределах санкции, может быть смягчено в соответствии с абзацем 1 § 49. Право суда на смягчение наказания пособнику закреплено и в § 2 статьи 19 УК Польши. Согласно § 23 Уголовного кодекса Дании суд вправе смягчить наказание пособнику с учетом незначительности его содействия.

В соответствии с ч. 4 ст. 31 УК РФ организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если они своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца, пособник же не подлежит уголовной ответственности при том достаточном условии, что он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления, даже если ему этого сделать и не удалось. Следовательно, в отличие от предыдущего уголовного законодательства, действующий российский УК прямо закрепляет более снисходительное отношение законодателя к роли пособника по сравнению с другими соучастниками преступления. На такой же позиции стоит и отечественная судебная практика. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении по делу Дюльдина указала, что «согласно общим нормам, закрепляющим положения об ответственности соучастников преступления (гл. 7 УК РФ), действия пособника представляют меньшую степень общественной опасности, нежели действия исполнителя этого преступления»[37].

Таким образом, установление в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ более строгого наказания за пособничество совершению преступлений террористического характера, чем за непосредственное ис-

---

33 См .: *Шаргородский М. Д.* Вина и наказание в советском уголовном праве. М., 1945. С. 23.

34 *Бурчак Ф. Г.* Учение о соучастии по советскому уголовном праву. Киев, 1969. С. 169.

35 *Тельнов П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 95.

36 *Дорогин Д. А., Рагулина А. В.* Парадоксы санкций норм Особенной части УК РФ // Московский юридический форум : VI Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения». Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции. Секция «Уголовное право и криминология». М., 2014. С. 43.

37 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 августа 2012 г. № 48-О12-65 // СПС «КонсультантПлюс».

полнение теракта, следует рассматривать как законотворческую ошибку, которая подрывает основные положения института соучастия.

Законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ ст. 205.1 УК РФ дополнена ч. 4, которая установила повышенную (вплоть до пожизненного лишения свободы) ответственность за организацию совершения хотя бы одного преступления из числа предусмотренных ст. 205 и 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, а также за организацию финансирования терроризма. Эта норма тоже породила некоторые проблемы.

Во-первых, представляется нелогичным, что ответственность организатора устанавливается не в той же норме, которая адресуется исполнителю преступления. Правильнее было бы по примеру ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210 УК РФ предусмотреть ее в самостоятельных частях ст. 205, 205.3, 206 и 211 УК РФ, тем более что организация преступления семантически не может рассматриваться как содействие его совершению.

Во-вторых, совершенно непонятно, по каким соображениям законодатель установил более строгое наказание для пособника (от 10 до 20 лет лишения свободы) и для организатора (лишение свободы от 15 до 20 лет либо пожизненно), если исполнитель террористического акта подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет. Видимо, законодателю следовало в ч. 4 ст. 205.1 УК РФ уточнить квалификацию теракта (как это сделано в отношении ст. 206 и 211 УК РФ), указав только на ч. 3, санкция которой аналогична санкции ч. 4 ст. 205.1 УК РФ.

В-третьих, сложно представить, по каким критериям можно разграничить финансирование терроризма (ч. 1) и организацию финансирования терроризма (ч. 4).

Включением в УК РФ ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» Россия выполнила свои международные обязательства, вытекающие из ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма. Эта норма установила уголовную ответственность за два самостоятельных деяния: а) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и б) публичное оправдание терроризма.

Первое из них — специальный вид подстрекательства, оно намеренно оторвано от реального осуществления террористической деятельности[38] и поэтому наказуемо вне института соучастия. В рамках своей суверенной компетенции законодатель признал преступными сами по себе указанные публичные призывы независимо от их результативности или безуспешности, а преступление — оконченным с момента публичного обращения с призывами.

По поводу публичного оправдания терроризма З. А. Шибзуховым высказано довольно интересное суждение. Автор опирается на п. 1 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», где терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Из этого недостаточно четкого легального определения З. А. Шибзухов делает вывод, что криминализация публичного оправдания практики терроризма является полностью оправданной, а от уголовной ответственности за публичное оправдание идеологии терроризма следует отказаться, поскольку понятие «идеология терроризма» не обладает достаточной степенью определенности, а террористическими являются не сами идеи и взгляды, а способы их реализации[39].

На самом деле сущность терроризма заключается в идеологии и практике применения насилия для достижения поставленных террористами целей. Идеология терроризма есть его теоретический инструмент, а практика — это реализация разработанных и пропагандируемых идей, и разделять их нельзя. Поэтому законодатель вполне своевременно и обоснованно дополнил ст. 205.1 УК РФ примечанием 1, в котором публичное оправдание терроризма определено как «публичное заяв-

---

38 См.: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (п. 2 ст. 3) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 146.

39 См.: *Шибзухов З. А.* Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9—10.

ление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании».

Достаточно конкретным является и определение террористической деятельности в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ за одним исключением, касающемся ст. 205.6 УК РФ (о котором будет сказано ниже).

Закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ, дополнив в ст. 280, 280.1, 282 и 282.1 (так же, как и в ст. 242 и 242.2) УК РФ формулировку квалифицирующего признака «совершение преступления с использованием средств массовой информации» указанием на использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, по непонятным причинам не сделал того же в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (так же, как и в ст. 354 и 354.1 УК РФ). Но эта ошибка была исправлена Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ.

С учетом изменений, внесенных в эту норму Законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, следует признать, что в содержательном и технико-юридическом отношениях действующая редакция ст. 205.2 УК РФ принципиальных замечаний не вызывает.

Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ российский УК был дополнен ст. 205.3, 205.4 и 205.5. К каждой из них имеются некоторые замечания.

Что касается ст. 205.3 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», то прежде всего вызывает вопросы сфера применения данной нормы. Ведь большинство центров по подготовке террористов находится на территории других государств. Возникает вопрос: на каком основании наше государство может привлекать к уголовной ответственности лиц (даже граждан РФ, не говоря уже об иных лицах), совершающих вне территории России общественно опасные деяния, не направленные против интересов нашей страны и ее граждан? Не поможет решить этот вопрос и универсальный принцип действия уголовного закона, поскольку прохождение обучения будущими террористами в специальных центрах не криминализировано в международном уголовном праве.

Статья 7 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. (с изм. от 22 октября 2015 г.), ратифицированная Федеральным законом от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ, обязывает страны — участницы Конвенции в рамках их внутреннего законодательства признать подготовку террористов уголовным преступлением. При этом «подготовка террористов» означает инструктирование по вопросам изготовления или использования взрывчатых веществ, огнестрельного или иного оружия, или ядовитых или вредных веществ, или по вопросам других конкретных методов или приемов в целях совершения или содействия совершению террористического преступления, когда заведомо известно, что переданные навыки предназначаются для использования в этих целях. Из приведенного определения с очевидностью следует, что Конвенция (ст. 7) предлагает странам-участницам криминализировать действия по подготовке террористов, т.е. установить уголовную ответственность лиц, обеспечивающих и осуществляющих обучение будущих террористов.

Совершенно иной смысл вложен в ст. 205.3 УК РФ: она устанавливает уголовную ответственность не за подготовку террористов, а за прохождение будущими террористами обучения для применения полученных ими знаний и умений при совершении впоследствии преступлений террористического характера. Следовательно, состав этого преступления не имеет международно-правового характера, а является специфическим изобретением российского законодателя. Поэтому сфера применения новой нормы должна определяться положениями ст. 12 УК РФ.

Видимо, диспозиция ст. 205.3 УК РФ нуждается в уточнении, которое привело бы ее смысл в соответствие с положениями ч. 1 и 3 ст. 12 УК РФ. Оптимальный способ такого уточнения видится в дополнении диспозиции после перечисления статей УК РФ и слов «настоящего Кодекса» словами: «на территории Российской Федерации либо направленных против интересов Российской Федерации, либо граждан Российской Федерации или постоянно проживающих в Российской Федерации лиц без гражданства». Как вариант решения данного вопроса можно было бы определить сферу применения анализируемой нормы в примечании к ней.

Второе замечание касается санкции ст. 205.3 УК. Она вступает в противоречие со ст. 66 УК РФ, закрепившей правило обязательного смягчения наказания за неоконченное преступление. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности по своей сути является приготовлением к осуществлению террористической деятель-

ности либо к совершению хотя бы одного из перечисленных в ст. 205.3 УК РФ преступлений. Однако наказание за приготовление не может равняться наказанию за оконченное преступление, а тем более превышать его по строгости. Правда, законодатель в исключительных случаях может перенести момент окончания преступления на более раннюю стадию, объявив приготовительную деятельность самостоятельным оконченным преступлением. Примерами могут служить создание банды (ч. 1 ст. 209 УК РФ) или преступного сообщества (ч. 1 ст. 208 УК РФ), планирование или подготовка агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК РФ), но ни в одном из этих случаев приготовление не наказывается строже, чем оконченное преступление. Это правило законодателем обычно соблюдалось. Например, Закон от 5 мая 2014 г. дополнил ст. 212 УК РФ ч. 4 о прохождении лицом обучения в целях организации массовых беспорядков и установил за это наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет. Это выглядит естественно, поскольку наказанием за фактическую организацию массовых беспорядков (после его ужесточения Законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ) является лишение свободы на срок от 8 до 15 лет. Попутно можно заметить, что прохождение лицом обучения в целях участия в массовых беспорядках наказывается чрезмерно строго (лишением свободы на срок от 5 до 10 лет), поскольку реальное участие в массовых беспорядках карается существенно более мягким наказанием (лишением свободы на срок от 3 до 8 лет). В свете высказанных соображений представляется чрезмерно строгим наказание за приготовление к совершению преступлений террористического характера в форме обучения в центрах террористической подготовки (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы или пожизненно), тогда как фактическое совершение перечисленных в ст. 205.3 УК РФ преступлений влечет существенно более мягкие наказания. А что касается пожизненного лишения свободы, то оно предусмотрено лишь некоторыми из этих статей и только при особо отягчающих обстоятельствах. Наказание в виде пожизненного лишения свободы за приготовление к совершению преступлений, фактическое осуществление которых такого наказания не предусматривает, является недопустимым, поскольку противоречит правилу об обязательном смягчении наказания за неоконченное преступление.

Третье замечание по ст. 205.3 УК РФ относится к кругу субъектов этого преступления. Данная норма адресована только лицам, проходящим соответствующее обучение, что представляется явно недостаточным. Безусловно, пробелом в законе следует считать отсутствие указания на ответственность лиц, осуществляющих обучение будущих террористов, т.е. инструкторов, под непосредственным руководством которых будущие террористы получают соответствующие знания и умения, как это вытекает из смысла ст. 7 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма. Не случайно же эта категория лиц упоминается в примечании к ст. 205.3 УК.

В числе адресатов этой нормы не названы и лица, организовавшие или финансировавшие обучение будущих террористов, хотя в примечании к статье 205.3 УК они тоже упоминаются. Правда, обе эти категории лиц несут уголовную ответственность по части 4 статьи 205.1 УК РФ, в которой преступными признаются организация преступлений, предусмотренных четырьмя статьями УК РФ, и финансирование терроризма в широком смысле, т.е. без привязки к конкретным преступлениям террористического характера, в частности к статье 205.3 УК РФ.

Более логичной представляется следующая структура анализируемой нормы. В части 1 должна описываться деятельность лиц, проходящих соответствующее обучение, и лиц, его осуществляющих. При этом наказание должно быть установлено в соответствии с принципом обязательного смягчения наказания за приготовление к преступлению (т.е. не максимальный срок лишения свободы и тем более не пожизненно). В части 2 должна быть предусмотрена ответственность лиц, организовавших или финансировавших обучение террористов, а также руководивших процессом обучения (т.е. руководителей центра обучения террористов), с той же санкцией, что установлена в части 4 статьи 205.1 УК РФ и в нынешней редакции статьи 205.3 УК РФ.

Статья 205.4 УК РФ — «Организация террористического сообщества и участие в нем» — построена по образцу ст. 282.1 УК РФ и обладает теми же недостатками, что и статья об организации экстремистского сообщества.

Первый ее недостаток заключается в том, что в ст. 205.4 УК РФ законодатель некорректно использовал термин «террористическое сообщество». Террористическое сообщество

определяется как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Подобное определение порождает целый ряд вопросов.

Прежде всего вызывает нарекания использование в ст. 205.4 УК РФ термина «сообщество». Он используется (как синоним термина «преступная организация») только в ст. 210 и в ч. 4 ст. 35 УК РФ и там наделен вполне определенными юридическими свойствами: структурированность организованной группы или объединение организованных групп, действующих под единым руководством в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (ч. 4 ст. 35 УК РФ в ред. от 3 ноября 2009 г.).

В статье 205.4 УК РФ террористическое сообщество определяется через термин «устойчивая группа», но без указания на ее организованность и без признака структурированности, необходимого для признания группы преступным сообществом (правда, наличие структурных подразделений в террористическом сообществе предполагается, но не как обязательное, а только как возможное). Поэтому многие криминалисты считают, что в норме об экстремистском (и, соответственно, террористическом) сообществе подразумевается такая форма необходимого соучастия, которая, по сути, представляет не преступное сообщество, а организованную группу, для которой не обязателен признак структурированности[40].

Это суждение подтверждается и судебной практикой. Так, в марте 2009 г. была создана Автономная боевая террористическая организация «Синдикат», имеющая задачей совершение террористических актов с целью воздействия на принятие решений органами власти РФ об изменении внутренней национальной политики, в том числе по ужесточению миграции, а также в целях пропаганды терроризма в сети Интернет. На основании обвинительного приговора Московского городского суда от 12 апреля 2012 г. решением Московского городского суда от 28 июня 2013 г. Автономная боевая террористическая единица «Синдикат» была признана террористической организацией, а ее деятельность запрещена, хотя структурных подразделений организация «Синдикат» не имела[41].

Чтобы избежать решения вопроса о том, является ли террористическое сообщество организованной группой или преступной организацией, в названии и тексте ст. 205.4 УК РФ целесообразно термин «террористическое сообщество» заменить термином «экстремистское объединение». Этот термин является нейтральным по отношению к институту соучастия и не обязывает проводить научные параллели, он никак не связан с гражданско-правовыми определениями, поэтому удобен для именования любых объединений независимо от их организационной формы и характера деятельности[42].

Второе замечание по ст. 205.4 УК РФ вызывает формулировка целей террористического объединения. Наряду с целью осуществления террористической деятельности в законе обозначена цель подготовки или совершения одного или нескольких преступлений из числа перечисленных в этой норме. Смысл существования террористических группировок состоит

---

40 См., например: *Коновалова И. Ю.* Ответственность за участие в преступном объединении (необходимое соучастие) по российскому уголовному праву : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 10, 23 ; *Маршакова Н. Н.* Противодействие организации преступного сообщества: проблемы уголовно-правовой регламентации // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. М., 2008. С. 262 ; *Мельниченко А. Б.* Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Ростов н/Д, 2009. С. 262—263 ; *Нестеров С. В.* Формы соучастия в преступлениях против общественной безопасности : дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 11—12, 200—203.

41 См.: Решение Московского городского суда от 28 июня 2013 г. по делу № 3-0067/2013 // URL: http://www.mos-gorsud.ru.

42 См.: *Саркисов Д. Н.* Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности : дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 136.

в пропаганде терроризма и совершении террористических актов. Подготовка таких актов составляет неотъемлемую часть деятельности террористов, но никак не может служить для них конечной целью. Поэтому противопоставление целей совершения террористических актов и их подготовки не имеет под собой никаких оснований. Подготовка будущего преступления есть не что иное, как стадия приготовления к его совершению. Но если преступление не было пресечено на стадии приготовления, то она не имеет юридического смысла и значения. Следовательно, применительно к террористической деятельности уместно ставить вопрос только о цели совершения преступлений террористического характера. Следовательно, из диспозиции ст. 205.4 УК РФ следует исключить слова: «подготовки или».

Третье замечание касается примечания 1 к анализируемой статье УК РФ (кстати, и к другим статьям УК РФ, в которых предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в силу деятельного раскаяния при наличии дифференцированной ответственности организаторов (руководителей) и рядовых участников преступных группировок, например, к ст. 208, 210, 282.1, 282.2 УК РФ).

Законодатель для стимулирования добровольного отказа от совершения (или продолжения) преступления в составе преступной группировки использует для характеристики субъекта преступления две формулировки: 1) «лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей» и 2) «лицо, прекратившее участие». В первом случае позиция законодателя вполне определенна: поощрительная норма примечания распространяется на всех субъектов данного преступления, хотя такая позиция представляется неоправданной. Но по поводу сферы действия примечания, в котором используется вторая формулировка, специалистами высказываются противоположные взгляды. По мнению одних, эти примечания распространяются на всех соучастников[43], а другие полагают, что только на рядовых участников[44].

Попутно можно заметить весьма спорную в теоретическом отношении позицию Верховного Суда РФ, который в п. 17 ныне утратившего силу постановления Пленума № 8 от 10 июня 2008 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» разъяснил, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, в соответствии с примечанием к этой статье освобождается от уголовной ответственности за это преступление. Из приведенного разъяснения вытекает, что Пленум распространил примечание к ст. 210 УК РФ не только на рядовых участников, но также на организаторов и руководителей. В более позднем постановлении по этому же вопросу от 15 июня 2010 г. № 16 Пленум Верховного Суда РФ, по сути, подтвердил свою позицию, хотя и в новой формулировке, указав, что «в соответствии с примечанием к статье 210 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное этой статьей», т.е. подразумевая не только участников, но также организаторов и руководителей. В постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности», разъясняя примечание к ст. 282.2 УК РФ (в то время тождественное примечанию 1 к ст. 282.1 УК РФ), просто воспроизвел его содержание (п. 22), уйдя таким образом от вопроса о том, на кого это примечание распространяется.

Не проявил Пленум Верховного Суда Российской Федерации своей позиции в вопросе о сфере действия примечания к ст. 210 УК РФ и в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», ограничившись комментированием признака добровольности прекращения участия (п. 30).

Во всех постановлениях, касающихся организации преступных группировок, руководства ими и участия в них, Пленум Верховного Суда РФ четко разграничивает эти формы преступных действий. Однако при обращении к примечаниям об освобождении от уголовной ответственности в силу деятельного раскаяния он

---

43 См., например: *Мальцев В.* Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 45.

44 См., например: Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2009. С. 555 ; *Малиновский В. В.* Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика). М., 2009. С. 140 ; *Саркисов Д. Н.* Указ. соч. С. 149.

почему-то различия между этими понятиями игнорирует и понятие «прекращение участия» толкует расширительно, т.е. включает сюда и организацию, и руководство.

Думается, в вопросе о понятии лиц, прекративших участие в преступных группировках, следовало бы использовать позитивный опыт законодателей Республики Беларусь и Украины, которые деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности не распространяют на организаторов и руководителей преступной организации (ст. 20 УК РБ, ч. 2 ст. 255 УК Украины) или банды (ст. 20 УК РБ). Оптимальным решением было бы установление в самом законе запрета распространять на организаторов и руководителей преступных группировок соответствующие примечания к ст. 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, а также 208, 210, 282.1 и 282.2.

Статья 205.5 УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» представляет собой аналог ст. 282.2 УК РФ, которая вполне имеет право на существование.

Дело в том, что в ст. 282.1 и 282.2 УК РФ имеются в виду совершенно различные явления. В статье 282.2 УК РФ под экстремистской организацией понимается вовсе не то объединение, о котором говорится в ст. 282.1 УК РФ. Экстремистское сообщество в ст. 282.1 УК РФ означает организованную преступную группу, созданную специально для совершения преступлений экстремистской направленности и реально осуществляющую экстремистскую деятельность. А под экстремистской организацией, согласно п. 2 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», понимается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным названным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Подобное решение выносится не в связи с реальным осуществлением экстремистской деятельности в ее уголовно-правовом смысле, а на том основании, что после официального предупреждения, вынесенного в соответствии со ст. 7 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», в деятельности, осуществляемой данной организацией, продолжают наличествовать признаки экстремизма, послужившие основанием для предупреждения. Статья 282.2 УК РФ является наиболее редко применяемой нормой об экстремистских преступлениях. Это обусловлено невысокой степенью общественной опасности деяния, которое корреспондирует со ст. 20.28 «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности» Кодекса РФ об административных правонарушениях. С учетом того, что в ст. 282.2 УК РФ речь идет об организации, которая по своей сути не является преступной, некоторые юристы считают ее типичным примером избыточности криминализации[45].

Если статья 282.1 УК РФ устанавливает ответственность за создание и деятельность организации, которая является преступной изначально, независимо от ее дальнейшей деятельности, то в статье 282.2 УК РФ речь идет об организации, которая, несмотря на судебный запрет ее деятельности, преступной не является, а наказуемым является нарушение установленного судом запрета. Совершенно иное соотношение существует между статьями 205.4 и 205.5 УК РФ.

Первая из них посвящена ответственности за создание заведомо преступной группировки, имеющей цель совершения перечисленных в законе преступлений либо осуществления террористической деятельности, а также за руководство такой группировкой либо ее частью или ее структурным подразделением, а также за участие в такой группировке. Преступность такого объединения определяется террористической целью его образования и не зависит от реального совершения террористических преступлений.

Статья же 205.5 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за организацию деятельности группировки, которая была признана террористической и запрещена решением суда (при этом наказание для организаторов

[45] См., например: *Иванов Н. Г.* Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступления // Государство и право. 2003. № 5. С. 43 ; *Лунеев В. В.* Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 2. С. 31.

и руководителей в обеих статьях одинаковое, а для участников — почему-то разное). Здесь возможны два варианта появления террористического объединения.

Первый вариант: террористическая организация создана на территории РФ. Ее преступный характер не зависит ни от какого судебного решения. Если же на основании обвинительного приговора, вынесенного по статье 205.4 УК РФ, другой суд в порядке гражданского судопроизводства признает организацию, члены которой уже были осуждены, террористической и запретит ее деятельность на территории РФ (как это и было в случае с упоминавшейся выше Автономной боевой террористической организацией «Синдикат»), то это никоим образом не может изменить уголовно-правовой статус террористической группировки. Иными словами, продолжение террористической деятельности после запрета организации точно так же подпадает под действие статьи 205.4 УК РФ, как и террористическая деятельность еще не попавшей под уголовно-правовые санкции группировки.

Второй вариант: террористическая организация носит международный характер (например, Аль-Киада, Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, Аль-т Харамейн и др.) или создана в любой другой стране (например, ливанская Асбат аль-Ансар, египетская Аль-Джихад, афганская Талибан, кувейтская Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи и др.). Создание отделения любой из этих организаций (независимо от их организационной формы) на территории РФ и начало террористической деятельности даже на самых ранних этапах подготовки полностью подпадает под действие ст. 205.4 УК РФ.

Таким образом, все отличие между ст. 205.4 и 205.5 УК РФ сводится к отсутствию или наличию судебного решения о запрете организации, являющейся террористической. А поскольку этот запрет не имеет уголовно-правового значения и не влияет на применение ст. 205.4 УК РФ, норму, закрепленную в ст. 205.5 УК РФ, следует признать избыточной.

Статья 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» — единственный в действующем российском законодательстве пример криминализации недонесения, от которой принципиально отказались создатели УК РФ 1996 г. Но в конце концов это право законодателя, но реализовать его следовало корректно.

Прикосновенность к преступлению в форме укрывательства и недоносительства всегда рассматривались как преступления против правосудия. Это относится к недонесению о любом преступлении. Не составляет исключения и несообщение о преступлениях террористического характера, поскольку само по себе не посягает на общественную безопасность, а лишь затрудняет решение задач, связанных с привлечением террористов к уголовной ответственности. Включение в главу о преступлениях против общественной безопасности несообщение о преступлениях террористического характера означает придание недонесению несвойственного ему характера террористического преступления. Эта ошибка усугубляется некорректным определением террористической деятельности в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ, где к террористической деятельности отнесены все преступления в диапазоне ст. 205—206, значит и ст. 205.6 УК РФ. Следовательно, по букве закона, публичный призыв не сообщать органам власти о фактах терроризма образует состав преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ. Видимо, ничего подобного законодатель не имел в виду. Поэтому норму, закрепленную в ст. 205.6 УК РФ, следует из гл. 24 перенести в гл. 31 УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арутюнян Р. Ф.* Противодействие организованному терроризму в кавказском регионе СНГ. — М., 2008.
2. *Борисов С. В.* К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права. — М., 2016.
3. *Бочкарев С. А.* Квазиценность современного учения об объекте преступления // Российский журнал правовых исследований. — 2015. — № 3 (4).
4. *Бурчак Ф. Г.* Учение о соучастии по советскому уголовном праву. — Киев, 1969.

5. *Васильченко А. А., Швыркин А. А.* Разграничение преступлений террористической и экстремистской направленности // Экстремизм и другие криминальные явления. — М., 2008.
6. *Долгова А. И.* Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика // Экстремизм и другие криминальные явления. — М., 2008.
7. *Егорова Н. А.* Противодействие терроризму: новеллы уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 3.
8. *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. — СПб., 2002.
9. *Ершов С. А.* Проблемы регламентации пособничества в УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — М., 2012.
10. *Иванов Н. Г.* Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступления // Государство и право. — 2003. — № 5.
11. *Изотов Д. Н.* О месте подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований в системе Особенной части УК РФ // Бизнес и право. — 2013. — № 3.
12. *Кочои С. М.* Терроризм в международном уголовном праве // Lex Russica. — 2005. — № 2.
13. *Кузнецов А. П., Маршакова Н. Н., Паршин И. С.* Правовая регламентация противодействия коррупции: национальный, международный и зарубежный аспекты. — Н. Новгород, 2012.
14. *Лунеев В. В.* Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2009. — № 2.
15. *Малиновский В. В.* Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика). — М., 2009.
16. *Мальцев В.* Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем // Российская юстиция. — 1999. — № 2.
17. *Маршакова Н. Н*. Противодействие организации преступного сообщества: проблемы уголовно-правовой регламентации // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. — М., 2008.
18. *Мельниченко А. Б.* Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. — Ростов н/Д, 2009.
19. *Москвичев А. А.* Историко-правовой анализ формирования и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за пособничество // Общество и право. — 2016. — № 4 (58).
20. *Некрасова А. А.* Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. — 2016. — № 4 (58).
21. *Розенко С. В.* Уголовно-правовая борьба с экстремизмом // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — М., 2009
22. *Сысоев А. М.* Об уточнении категорий преступлений экстремистской направленности // Российский юридический журнал. — 2008. — № 4.
23. *Трофимов Д. С.* Современное состояние борьбы с преступлениями террористического характера : Аналитический обзор. — М., 2013.
24. *Устинов В.* Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5.
25. *Устинова Т. Д.* Правовая оценка деяний, заключающихся в воспрепятствовании предпринимательской деятельности (ст. 169 УК), и вопросы криминализации // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2003. — № 3.
26. *Феоктистов М. В.* Ответственность за терроризм и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. А. И. Долговой. — М., 2004.
27. *Фридинский С. Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. — М., 2004.
28. *Шаргородский М. Д.* Вина и наказание в советском уголовном праве. — М., 1945.

Материал поступил в редакцию 24 января 2017 г.

THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA AGAINST TERRORISM

RAROG Aleksey Ivanovich — Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
alek.rarog@yandex.ru
125993, Russia, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *The article raises a problem of quality of criminal legal norms intended to counter the terrorist threat. The basis for the formation of the criminal legal framework for countering terrorist activities must be based on scientifically verified definition of terrorism and terrorist activities. The article provides a tentative (as a material for further grinding) definition of terrorism as a social phenomenon. Stressing the genetic relationship of extremism and terrorism, the author suggests the advisability of establishing independent chapters in the Criminal Code of the Russian Federation, unifying rules on extremist and terrorist activities. Repeated attempts to improve the quality of the penal provisions on terrorist act, unfortunately, have not been a complete success. Noting the shortcomings of the rule, the author makes suggestions to further improvement of its quality, namely: to include committing a terrorist act out of the political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity or on the grounds of hatred or hostility toward a social group as its subjective characteristics; to exclude from qualifying characteristics careless, and from special characteristics - deliberate infliction of death. Given the lack of scientific substantiation of conflicting later "anti-terrorist" norms and inconsistency of the made changes, the article justifies the proposals to change their editorial, as well as to delete Article 2055 of the Criminal Code of the Russian Federation and to transfer the rule contained in Art. 2056 of the Criminal Code to the chapter on offences against the administration of justice.*

Keywords: *the quality of the criminal law, terrorist activities, extremist activity, terrorist act, facilitating terrorist activities, public calls for the implementation of terrorist activities, training in order to carry out terrorist activities, the organization of the terrorist community, failure to report a terrorist crime.*

BIBLIOGRAPHY

1 *Arutyunyan, R. F.* Countering the Organized Terrorism in the Caucasus Region. M., 2008.
2. *Borisov, S. V.* To the Subject of Criminological Basis of Corpus Delicti in the Form of Complicity in the Commission of a Terrorist Act // Criminological Foundations of Criminal Law. The Proceedings of X Russian Congress on Penal Law. Moscow, 2016.
3. *Bochkaryov, S. A.* Quazi-Value of Modern Teachings about the Object of the Crime // Russian Journal of Legal Studies. 2015. No. 3 (4).
4. *Burchak, F. G.* The Doctrine on Complicity in the Soviet Criminal Law. Kiev, 1969.
5. *Vasilchenko, A. A., Shvyrkin, A. A.* The Distinction between of Terrorist and Extremist Crimes // Extremism and other Criminal Phenomena. M., 2008.
6. *Dolgova, A. I.* Extremism and Terrorism, Terrorist and other Extremist Crimes: Concept, Analysis, Dynamics // Extremism and other Criminal Phenomena. M., 2008.
7. *Egorova, N. A.* Countering Terrorism: Novels of Criminal Legislation // Journal of Criminology of the Baikal State University of Economics and Law. 2014. No. 3.
8. *Emelyanov, V. P.* Terrorism and Crimes with Terrorism Elements: Criminal Law Study. St. Petersburg, 2002.
9. *Ershov, S. A.* The Problem of Regulation of Complicity in the CC RF // Criminal Law: the Development Strategy in the 21st Century. Moscow, 2012.
10. *Ivanov, N. G.* The Nuances of Criminal Law Regulation of Extremist Activity as Varieties of the Group Crime // State and Law. 2003. No. 5.
11. *Izotov, D. N.* On Bribing Participants and Organizers of Professional Sporting Events in the System of the Special Part of the CC RF // Business and Law. 2013. No3.
12. *Kochoi, S. M.* Terrorism in International Criminal Law // LEX RUSSICA. 2005. No.2.
13. *Kuznetsov, A. P., Marshakova, N. N., Parshin, I. S.* Anti-Corruption Legal Regulation: National, International and Foreign Aspects. Nizhny Novgorod, 2012.
14. *Luneev, V. V.* Russian Extremism: Pilitics and Reality // Journal of Criminology of the Baikal State University of Economics and Law. 2009. No.2.
15. *Malinovskiy, V. V.* Organizational Activities in Russian Criminal Law (Types and Characteristics). Moscow, 2009.

16. *Maltsev, V.* Responsibility for Organizing an Illegal Armed Group or Participation in it // Russian Justitia. 1999. No. 2.
17. *Marshakova, N. N.* Countering Organization of a Criminal Community: Problems of Criminal Legal Regulation // Counteraction to Criminality: Criminal-Legal, Criminological and Penal Executive Aspects. M., 2008.
18. *Melnichenko, A. B.* Penal Means of Ensuring the National Security of the Russian Federation. Rostov-on-Don, 2009.
19. Moskvichev, A. A. Historical and Legal Analysis of the Formation and Development of Domestic Criminal Legislation on Responsibility for Aiding and Abetting // Society and Law. 2016. No.4 (58).
20. *Nekrasova, A. A.* The Problems of Systematization of Criminal Legal Regulation of Special Kinds of Implications and Complicity in the Crimes of Terrorist Nature // Society and Law. 2016. No.4 (58).
21. *Rozenko, S. V.* Criminal Legal Fight against Extremism // Criminal Law: the Development Strategy in the 21st Century. M., 2009
22. *Sysoev, A. M.* On Accurate Definition of Extremist Crimes Category // Russian Juridical Journal. 2008. # 4.
23. *Trofimov, D. S.* Modern Condition of the Fight against Crimes of Terrorist Nature. Analytical Review. Moscow, 2013.
24. *Ustinov, V.* Extremism and Terrorism: Problems of Differentiation and Classification // Russian Justice. 2012. No 3.
25. *Ustinov,a, T. D.* Legal Assessment of the Acts Which Hinder Entrepreneurial Activity (Article 169 of the Criminal Code), and Criminalization Issues // "Black Holes" in the Russian Legislation. 2003. No.3.
26. *Feoktistov, M. V.* Responsibility for Terrorism and Issues in Improving Russian Criminal Law // Terrorism in Russia and Problems of a Systemic Response / A.I. Dolgova (ed.). Moscow, 2004.
27. *Fridinskiy, S. N.* Fight against Extremism: Criminal Legal and Criminological Aspects. Moscow, 2004.
28. *Shargorodsky, M. D.* Guilt and Punishment in the Soviet Criminal Law. M.,1945.